М.В. ЛЯЛИН

КАФЕДРА СПИСАННЫХ

ТОМ 2 • ПРОРЫВ

Михаил Лялин

Кафедра списанных. Том 2. Прорыв

«Автор»
2026

Лялин М. В.

Кафедра списанных. Том 2. Прорыв / М. В. Лялин — «Автор», 2026

Стену прорвали. Учебные взводы бросили в бой, а вице-президент Корпорации отдал тайный приказ: «Инструктора девятой группы из боя не возвращать». Командора Северова, живущего в чужом теле, отправляют на верную смерть, но пятеро курсантов с «мусорными» Дарами держат мост без него — всю ночь, против волны тварей. А под Стеной он находит тоннель, прорытый Корпорацией ради эфирной жилы, и Матку, которая рожает тварей сотнями. Теперь правда о Ниневии может выйти наружу. Если они доживут до Совета.Вторая книга серии.

© Лялин М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Кафедра списанных. Том 2. Прорыв 5
Введение 5
Глава 1. Вторая линия 6
Глава 2. Каменный мост 10
Глава 3. Сводный отряд 13
Глава 4. Ловушка Зорина 17
Глава 5. Без командира 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Михаил Лялин
Кафедра списанных. Том 2. Прорыв

Кафедра списанных. Том 2. Прорыв

Введение

Командир, который не может уйти с поля, — плохой командир. Командир, без которого его люди не могут остаться на поле, — ещё хуже.

Из записок командора Северова

Двадцать лет назад командор Игнат Северов, по прозвищу Седой Лис, лучший тактик Стены, погиб при Ниневийском прорыве. Его друзья закрыли за ним ворота, назвали его изменником и стали героями человечества. На развалинах Ниневии выросла Корпорация «Бастион», которая сегодня снабжает, строит, обучает и лечит всю Стену.

Три недели назад Северов открыл глаза в теле Кирилла Ветрова — контуженого инструктора Пограничной Академии «Рубеж», которого собирались выгнать с волчьим билетом. Ему отдали Девятую группу, «кафедру списанных»: пятерых курсантов с самыми бесполезными Дарами в Академии.

Лёха Горбунов, детдомовец, видит тепловой след трёхминутной давности. Вера Стрельцова, дочь опального генерала, меняет трение на площади с ладонь. Тимур Абаев, заикающийся мальчишка, глушит звук в радиусе метра. Дина Ковач вспыхивает светом на десятую долю секунды. Федя Мохов, сын кузнеца, на две секунды становится втрое тяжелее.

За три недели эти пятеро положили элитный взвод, убили альфу класса А, выиграли Осенний Турнир против выпускников и раскололи человека-сталь, как перекалённый клинок. Отчислить их стало невозможно.

Но на церемонии награждения завыла сирена. Стену прорвали — в том самом секторе, куда неделю назад кто-то подбросил девятой группе маячок с кристаллом призыва из Красной зоны. Все учебные взводы бросили в бой.

А Пётр Колесов, вице-президент «Бастиона» и бывший ученик Северова, отдал тихий приказ: «Инструктора девятой группы из боя не возвращать».

Двадцать лет назад Седой Лис вышел за ворота один.

Теперь с ним едет кафедра списанных.

Это история о том, что хороший командир учит не побеждать. Он учит обходиться без него.

Глава 1. Вторая линия

Застенье горело.

Игнат увидел это, когда грузовик девятой группы перевалил через последний холм перед сектором 4-Б. Внизу, в долине, вдоль серой громады Стены, тянулись рабочие кварталы — бараки, мастерские, склады, кабаки, школы. Те самые, где жили люди, которые строили, чинили и обслуживали Стену. Где Савва Кривой держал свой Ржавый двор. Где Агния Фёдоровна чистила каналы в подвале барака.

Теперь над кварталами поднимался дым. Чёрный, жирный, в десяти местах сразу.

А в самой Стене — Игнат видел это даже отсюда, за пять вёрст — зияла дыра. Неровная, рваная, шириной с городскую улицу. Бетон вокруг неё был вывернут наружу, будто Стену проломили изнутри, а не снаружи. Рунные знаки по краям пролома мигали и гасли.

Из дыры выходили твари.

Не сплошным потоком — волнами. Сотня. Пауза. Ещё сотня. Рвачи, крысоволки, шипокрылы, что-то большое и медленное, похожее на бронированных жуков размером с телегу. Они растекались по Застенью, как вода по полу, — в улицы, во дворы, в проломы стен.

Лёха, сидевший у борта, побелел.

— Там же люди, — сказал он тихо. — Там же… Там люди живут.

— Жили, — сказал Игнат. — Кто успел — ушёл. Гарнизон эвакуирует Застенье с утра. — Он помолчал. — Кто не успел…

Он не договорил.

Штаб обороны сектора развернули в здании сельской школы в трёх верстах от Стены. Двухэтажный кирпичный дом, флаг на крыше, полевые телефоны на партах, карты на классной доске. Офицеры гарнизона — серые, небритые, в разорванной форме. Связисты с наушниками. Санитары с носилками у входа.

Командовал майор Гордеев. Невысокий, плотный, с перевязанной головой и голосом, сорванным до хрипа. Двадцать пять лет на Стене — Игнат видел это по тому, как он держал карандаш над картой.

Рядом с ним стоял Зорин. В полевой форме, с белой повязкой координатора учебных подразделений на рукаве. Свежий, выбритый, чистый. Единственный чистый человек в здании.

А у окна, в сером штатском плаще, — Лапин.

— Девятая? — Гордеев поднял голову от карты, когда Игнат вошёл. Посмотрел на него. На пятерых за его спиной — с перевязками, лубками, бинтами. — Это и есть та самая девятая? Которая Турнир взяла?

— Так точно, господин майор.

Гордеев долго смотрел на Лёху с рукой на перевязи. На Веру с плечом в лубке. На Федю.

— Раненые, — сказал он. — Половина — раненые. — Он повернулся к Зорину. — Капитан, у вас что, нет других групп? Здоровых?

— Все группы распределены, господин майор, — сказал Зорин ровно. — Девятая — последняя. Резерв.

Гордеев скривился. Потом махнул рукой.

— Ладно. Ставь куда-нибудь. В тыл.

— Есть позиция, господин майор, — сказал Зорин. Он подошёл к карте. Ткнул пальцем. — Каменный мост. Через Рубежку. Вот здесь.

Гордеев посмотрел туда, куда показывал Зорин. Нахмурился.

— Каменный мост — это не тыл. Это фланг. Если твари пойдут по старому руслу, вдоль реки, — они выйдут прямо на него. А за мостом — Нижний Острог. Шесть тысяч жителей. Эвакуацию ещё не закончили.

— Именно поэтому, господин майор, — сказал Зорин. — Мост нужно держать. А у нас больше никого нет. Все остальные — на центральном участке, у пролома. — Он помолчал. — Девятая — лучшее звено Академии. Победители Турнира. Если кто и удержит мост — то они.

Он сказал это с совершенно серьёзным лицом.

Гордеев посмотрел на него. Потом — на Игната. Потом снова на Зорина.

Игнат видел, как майор думает. Двадцать пять лет на Стене. Он знал, как выглядит приказ, отданный, чтобы кого-то утопить. Но у него горело Застенье, пролом в Стене расширялся, а связи с командованием участка не было уже три часа.

— Сколько человек на мост? — спросил Гордеев.

— Девятая группа, — сказал Зорин. — Шестеро.

— Шестеро. — Майор потёр лицо ладонью. — На мост, который прикрывает город. Против того, что выходит из пролома. — Он помолчал. — Капитан, вы понимаете, что это…

— Это приказ координатора учебных подразделений, господин майор, — сказал Зорин. Мягко. — Утверждённый представителем Корпорации. — Он кивнул на Лапина у окна. Лапин чуть наклонил голову. — Учебные подразделения на время прорыва переданы в оперативное подчинение «Бастиона». Таково решение Совета Стены.

Гордеев замолчал.

Игнат знал этот тон. Двадцать лет назад так же говорил Аркадий. «Это решение Совета, Игнат. Держи левый фланг».

— Господин майор, — сказал Игнат. Спокойно. — Мне нужна карта моста. И окрестностей. Подробная. И — если есть — всё, что найдётся на складе: взрывчатка, верёвки, топливо, инструмент.

Гордеев посмотрел на него.

— Ты что, собираешься держать мост? Вшестером? Против волны из Красной зоны?

— Собираюсь, господин майор.

Майор смотрел на него долго. Потом — медленно — полез в планшет. Достал сложенную карту. Протянул.

— Склад — во дворе, — сказал он. — Бери что хочешь. Всё равно взрывчатку подвезти некому. — Он помолчал. — Ветров. Если станет совсем плохо — отходи за мост. И взрывай его. Город эвакуируют за шесть часов. Мне нужно шесть часов.

— Будет шесть часов, — сказал Игнат.

На складе во дворе было мало. Ящик тротиловых шашек — двенадцать штук. Бухта бикфордова шнура. Три бочки керосина. Моток колючей проволоки. Два ящика сигнальных ракет. Лопаты, ломы, кирки. И — неожиданно — старый ручной пулемёт на сошках, без патронов.

Федя загрузил в грузовик всё. Кроме пулемёта.

— Без патронов, — сказал он. — Бесполезный.

— Возьми, — сказал Игнат.

Федя посмотрел на него с недоумением. Но взял.

Пока они грузились, к Игнату подошёл Зорин. Один. Остановился рядом, глядя, как Лёха одной рукой подаёт Феде ящики.

— Ветров, — сказал он негромко. — Без обид. Ты же понимаешь — это война. Каждый держит то, что ему поручили.

Игнат не ответил.

— Каменный мост — важная позиция, — продолжал Зорин. — Если удержишь — тебе дадут орден. Если нет… — Он пожал плечами. — Ну, ты погибнешь как герой. Твои калеки — тоже. Красиво. В газетах напишут.

Игнат повернул голову. Посмотрел на него.

Зорин чуть отступил. Сам не понял почему.

— Капитан, — сказал Игнат. Спокойно. — Вы знаете, чем отличается хороший приказ от плохого?

Зорин молчал.

— Хороший приказ, — сказал Игнат, — отдают, рассчитывая, что его выполнят. Плохой — рассчитывая, что не выполнят. — Он помолчал. — Тот, кто отдаёт плохой приказ, должен быть уверен в одном. Что исполнитель не вернётся и не спросит, зачем его отдали.

Он повернулся и пошёл к грузовику.

За спиной Зорин стоял неподвижно. Потом — быстро, почти бегом — пошёл к Лапину.

Каменный мост через Рубежку построили сто лет назад. Задолго до Стены. Широкий, на три пролёта, из серого тёсаного камня, с высокими парапетами. Под ним — река. Неглубокая, но быстрая, в крутых глинистых берегах, похожих на стенки оврага. Перейти вброд можно — но только в двух местах, выше и ниже моста, где берега пологие.

На той стороне — Нижний Острог. Дома, церковь, водокачка. Люди на улицах — с узлами, с тележками, с детьми на руках. Эвакуация. Медленная, бестолковая. Шесть тысяч человек.

На этой стороне — дорога. Старая, грунтовая, вдоль русла реки. На юг. К Стене. К пролому.

Игнат стоял посреди моста и смотрел на юг. По дороге, вдоль реки, тянулся дым. Далеко — версты три. Но приближался.

— Горбунов, — сказал он. — Что видишь?

Лёха стоял на парапете. С арбалетом на здоровом плече. Смотрел на юг, туда, где дорога уходила за поворот реки.

Его Дар видел на двести шагов. Дальше — нет. Но он научился за три недели другому — читать следы, оставленные раньше. Смотреть на землю, на траву, на дорожную пыль. Читать, кто прошёл, куда, когда.

— Ничего пока, — сказал он. — Никого. — Пауза. — Только люди. Много. Беженцы. Шли по этой дороге с утра. Из Застенья. Час назад последние прошли. — Ещё пауза. — А потом — никого.

— Никого, — повторил Игнат.

— Никого, — сказал Лёха. — Даже собак. Даже птиц. — Он посмотрел вниз, на Игната. — Лейтенант, так не бывает. Когда тихо — всегда кто-то есть. Мыши, вороны. А тут… Будто всё живое убежало.

Игнат кивнул.

Он видел такое двадцать лет назад. При Ниневии. Перед тем, как пришла главная волна. Всё живое бежит, когда чувствует, что идёт что-то большое.

Он развернул карту майора на парапете. Посмотрел на мост. На реку. На два брода — выше и ниже по течению. На дорогу. На крутые берега.

Потом — на пятерых.

Лёха — на парапете. Вера — с кошкой у пояса, бледная, с плечом в лубке. Дина — с отражателем. Тимур — у ящика с шашками, их оставалось две. Федя — у грузовика, с лебёдкой и пустым пулемётом.

Шестеро. Один мост. Два брода. Шесть часов.

— Хорошо, — сказал Игнат. — Начинаем.

На юге, за поворотом реки, над дымом Застенья, медленно поднималась тёмная туча. Не дым — что-то другое. Живое. Шевелящееся.

Шипокрылы. Сотни.

Они летели вдоль реки. Прямо на мост.

Глава 2. Каменный мост

Шипокрылы — это летучие мыши размером с собаку. Кожистые крылья с костяными шипами по кромке. Короткие, мощные челюсти. Они охотятся стаями, пикируют сверху, рвут шипами и улетают, не давая ответить.

И они слепые.

Игнат знал это двадцать лет назад. Знал любой охотник Зелёной зоны. Шипокрылы видят мир ушами — кричат на высоте, которую не слышит человек, и ловят эхо. Так они находят добычу. Так огибают препятствия. Так держат строй в стае из сотен особей, не сталкиваясь друг с другом.

Сотни шипокрылов летели вдоль реки. Прямо на мост.

— Абаев, — сказал Игнат. — Середина моста. Встань там. Тишина — по команде.

Тимур побежал на середину моста. Маленький, щуплый, с пустыми руками.

— Остальные — под мост. На опоры. Вниз.

Под мостом, между пролётами, у самой воды, стояли каменные быки — толстые опоры, на которых держались арки. Вокруг каждого — узкий выступ, на котором можно было стоять. Вера спустилась первой — по кладке, ладонями. Дина — по верёвке, которую сбросил Федя. Лёха — неуклюже, одной рукой. Федя — последним.

Игнат остался наверху. Рядом с Тимуром.

Стая приближалась. Шум крыльев — как шум ливня. Чёрная туча над рекой, растянутая на сотню шагов.

— Сейчас, — сказал Игнат.

Тимур включил Тишину.

Метр вокруг Тимура. Метр вокруг Игната, который стоял рядом. Пятно тишины на середине моста — маленькое, почти незаметное.

Но для шипокрылов это было не пятно. Это была дыра.

Крики, которыми они ощупывали мир, уходили в эту дыру — и не возвращались. Не было эха. Ничего. Будто посреди моста вдруг разверзлась пустота. Бездонная, бесконечная.

Первые шипокрылы, летевшие в голове стаи, шарахнулись. В стороны. Друг на друга. Строй, который держался на эхе, — сломался.

Задние напирали. Передние метались. Сотни кожистых крыльев столкнулись над мостом, сцепились шипами, закрутились чёрной воронкой. Кто-то упал в реку. Кто-то врезался в парапет. Кто-то — в каменные быки под мостом.

Где их ждали.

Федя на выступе у первого быка бил лебёдочным крюком — коротко, тяжело, по кожистым крыльям тех, кто падал рядом. Вера у второго быка делала скользкими камни, на которые пытались сесть оглушённые твари, — и они соскальзывали в воду. Дина, у третьего, вспыхивала отражателем — в тех, кто пытался подняться обратно. Шипокрылы слепые, но не все: глаза у них есть, маленькие, рудиментарные. Пятьдесят тысяч люкс в упор — их хватало.

Лёха стрелял. Одной рукой, с упора на колено. Зажигательными. В воронку над мостом.

Кожистые крылья горят хорошо.

Через семь минут стая рассыпалась. Те, кто уцелел, разлетелись над рекой — в разные стороны, поодиночке, без строя. Сорок или пятьдесят шипокрылов плыли вниз по Рубежке — мёртвые или оглушённые.

Тимур выключил Тишину. Сел на мостовую. Тяжело дыша.

— Лейтенант, — сказал он. — Они… Они как будто ослепли. Все сразу.

— Оглохли, — сказал Игнат. — Для них это одно и то же.

Через час пришли рвачи.

Не по дороге — по реке. Как и говорил Гордеев. Вдоль старого русла, по пологим берегам, к двум бродам — выше и ниже моста. Лёха увидел их за двести шагов: оранжевые пятна, растянутые цепью.

— Двенадцать к верхнему броду. Восемь — к нижнему. — Пауза. — И ещё. Сзади. Много. Не вижу сколько — слишком далеко.

Игнат кивнул. Он ждал этого.

За этот час они сделали то, что могли.

Верхний брод. Три бочки керосина Федя вылил на воду выше по течению. Керосин легче воды — он растёкся по поверхности радужной плёнкой и поплыл вниз, к броду. Лёха ждал с зажигательным болтом.

Нижний брод. Колючая проволока. Федя натянул её поперёк реки, по дну, на высоте колена. Под водой не видно. Камни на дне вокруг — Вера сделала скользкими. Пять секунд на каждый. Она переключала, переключала, переключала — сорок минут, пока не побелела, пока у неё не задрожали руки.

А на самом мосту — тротил. Двенадцать шашек под средним пролётом. Бикфордов шнур — к парапету на той стороне, к Нижнему Острогу. Если станет совсем плохо.

Рвачи вышли к верхнему броду одновременно. Двенадцать серых тел, с костяными пластинами на загривках. Вошли в воду.

Лёха выстрелил.

Керосиновая плёнка вспыхнула. Сразу, вся — от берега до берега. Огненная полоса поперёк реки. Рвачи завизжали, бросились назад. Трое не успели. Пылающие, они выскочили на берег и катались по траве.

Остальные девять — отступили. Пошли вдоль берега. К мосту.

К нижнему броду пришли восемь. Вошли в воду. Первые двое споткнулись о проволоку на дне — упали лицом в реку. Остальные, наскочив на них, — поскользнулись на камнях, которые сделала скользкими Вера. Течение у нижнего брода было быстрым. Двоих унесло.

Шестеро выбрались. И тоже пошли к мосту.

Девять с одной стороны. Шесть — с другой. Пятнадцать рвачей сходились к Каменному мосту вдоль обоих берегов.

Мост они держали два часа.

Игнат потом не мог вспомнить подробностей. Только обрывки.

Узкий въезд на мост, шириной в телегу. Рвачи шли по нему по двое — больше не помещалось. Федя стоял в самом узком месте, у начала парапетов. С Тяжестью. Две секунды — неподвижный, как скала, — рвачи врезались в него и отлетали. Двадцать секунд перезарядки — Игнат с «Лисой», трос под лапы, рывок. Снова Федя.

Дина на парапете, отражатель — в пасти, в загривочные глаза, в морды. Перезарядка. Снова. Снова.

Вера — на мостовой, на коленях, ладонь на камне. Пять секунд скользкого камня под лапами — рвачи падали, налетали друг на друга, сползали к парапету. Пять секунд. Снова.

Лёха — на крыше будки сторожа у въезда на мост. Сигнальные, зажигательные, кислотные. Пока не кончились.

Тимур — везде. В коконе Тишины, с ножом, за спинами тех, кто прорывался мимо Феди.

На сороковой минуте рвач задел Федю. Когтем, по бедру. Неглубоко, но Федя упал на колено, и следующий рвач прошёл бы — если бы Игнат не встал на его место. Без Тяжести. С «Лисой» и Даром Ветрова, который после Агнии Фёдоровны стал длиной в ладонь. Невидимое лезвие — по суставу передней лапы. Рвач рухнул.

На семьдесят пятой минуте у Лёхи кончились болты. Он слез с будки и подобрал с мостовой лом.

На девяностой Дина перестала плакать. Игнат заметил это не сразу. Она вспыхивала, перезаряжалась, вспыхивала — с сухим, сосредоточенным лицом. Губы сжаты. Глаза — как у снайпера.

На сто десятой минуте рвачи кончились.

Пятнадцать серых тел на мосту, на берегах, в реке. Ни одного живого.

Шестеро на мосту — живые. Федя — с перевязанным бедром, сидит у парапета. Вера — лежит на мостовой, глядя в небо: её Дар выдохся до последней капли. Лёха — с ломом в руке, сидит на ступенях будки. Дина — у парапета, с отражателем на коленях. Тимур — рядом с ней.

Игнат стоял посреди моста. Смотрел на часы.

Два часа сорок минут. Из шести.

Он посмотрел на юг. На дорогу вдоль реки. На дым над Застеньем.

И увидел людей.

Они шли по дороге. Бежали. Колонной — неровной, растянутой на полверсты. В серо-зелёной форме Академии. Курсанты. Сто человек? Больше? С оружием, без оружия, с ранеными на плечах. Некоторые падали. Их поднимали. Некоторых — нет.

А за ними, в полуверсте, — пыль. Много пыли. И сквозь пыль — серые тени на длинных ногах.

— Горбунов, — сказал Игнат.

Лёха уже стоял на парапете. Смотрел.

— Наши, — сказал он хрипло. — Первый курс. Я вижу… Я вижу нашивки. Первая группа. Вторая. Пятая. — Пауза. — Шереметьев. Оболенский. Тот, рыжий, который огнём…

— Сколько за ними?

Лёха прищурился.

— Не знаю. Много. Больше, чем было. — Голос его сорвался. — Лейтенант, их бросили. Их тоже бросили. Как нас. Они бегут к мосту.

Игнат смотрел на колонну. На серо-зелёные фигурки, бегущие по дороге. На пыль за ними.

Гордеев говорил: все учебные группы — на центральном участке, у пролома. Значит, центральный участок пал. Или — их оттуда увели. Специально. На дорогу вдоль реки. К мосту, который держит девятая.

Чтобы девятая либо взорвала мост перед своими — либо погибла вместе с ними.

— Мохов, — сказал Игнат. — Встать.

Федя поднялся. Медленно, держась за парапет.

— Шнур, — сказал Игнат. — Отнеси на ту сторону. Отдай кому-нибудь из взрослых в Остроге. Скажи — если мы не продержимся, поджигать.

Федя посмотрел на него.

— А мы?

— А мы, — сказал Игнат, — идём встречать первый курс.

Глава 3. Сводный отряд

Последние две шашки Тимур бросил на дорогу между колонной и пылью.

Серая стена встала поперёк дороги в трёхстах шагах от моста. Курсанты пробежали сквозь неё — кашляя, спотыкаясь, ничего не видя. Рвачи, бежавшие следом, влетели в дым и сбились. Потеряли запах, потеряли строй.

А в дыму их ждали пятеро, которые видели сквозь него. Вернее — один, который видел, и четверо, которые научились ему верить.

— Трое слева, — шептал Лёха в рацию. — Двое — прямо на Дину. Один — сзади, отстал.

Дина вспыхивала. Вера — уже почти без сил — делала скользкой дорогу под лапами. Федя, с перевязанным бедром, стоял поперёк дороги, как бревно. Игнат — с «Лисой».

Они не убивали. Не было сил убивать. Они задерживали. Минута. Ещё минута. Пока последний курсант из колонны не перебежал Каменный мост.

Потом — отошли сами. Змеёй, сквозь редеющий дым. Тимур — в середине, в коконе Тишины. Шаг за шагом. Рвачи кружили вокруг, принюхивались — и не слышали.

На мосту их встретили.

Сто сорок два человека. Игнат посчитал потом, когда стало можно считать.

Сто тридцать восемь курсантов первого и второго курса. И четверо инструкторов — все ранены, двое тяжело. Остальные инструкторы… Игнат не стал спрашивать. По лицам курсантов было видно.

Они сидели на мостовой, на парапетах, на ступенях будки сторожа. Грязные, в крови, в саже. Кто-то плакал. Кто-то смотрел в одну точку. Кто-то бинтовал товарищей разорванными рукавами.

Игнат шёл между ними и смотрел.

На нашивках — номера групп. Первая. Вторая. Пятая. Восьмая. Четвёртая второго курса. Седьмая второго курса. Все — вперемешку.

И лица. Знакомые. Оболенский — младший, с выбитым на арене коленом, теперь ещё и с разбитой головой. Сидел у парапета, держа меч на коленях. Рыжий Святослав Шереметьев — у будки, с обожжёнными руками: пиромант жёг, пока не выжег сам себя. Арбалетчица из первого боя — её звали Аня Мельникова, — бледная, с пустым колчаном.

На краю моста, отдельно от всех, сидел Грановский. Капитан выпускников, ранг S. Тот, у кого Тимур отнял Бурю на Турнире. Без Бури теперь — по-настоящему: правая рука висела плетью, рукав пропитан кровью.

Игнат подошёл к нему. Присел рядом.

— Что было на центральном участке?

Грановский долго молчал.

— Нас поставили у пролома, — сказал он наконец. Голос был мёртвым. — Восемь учебных групп. Без гарнизона. Гарнизон отвели на вторую линию за час до того, как пошла волна. Сказали — перегруппировка. — Он сглотнул. — Инструкторы держали нас час. Потом… Потом координатор учебных подразделений приказал отходить. По дороге вдоль реки. Сказал — там мост, там девятая, она прикроет.

Координатор учебных подразделений. Зорин.

— Сколько вас было у пролома?

— Двести сорок, — сказал Грановский. И отвернулся.

Игнат не стал больше спрашивать.

Солнце садилось. До подхода регулярных частей, по словам Гордеева, — ночь. До конца эвакуации Нижнего Острога — три часа.

А за рекой, в сумерках, собирались твари. Лёха видел их — десятки оранжевых пятен на дальнем берегу, у брода, на дороге. Ждали темноты.

Сто сорок два человека на мосту. Половина ранена. Почти все — без сил, без Даров, выжатых досуха у пролома. Без командиров.

Игнат поднялся на парапет. Встал так, чтобы его видели все.

— Слушать меня, — сказал он.

Не громко. Но голос, которым двадцать лет назад он говорил с тридцатью охотниками перед боем, — разошёлся по мосту так, что замолчали все. Даже те, кто плакал.

— Я — старший лейтенант Ветров. Инструктор девятой группы. — Он помолчал. — Ваших командиров здесь нет. Значит, командую я. Кто против — может уйти. Мост открыт. До Острога — полверсты.

Никто не ушёл.

— Через час стемнеет, — продолжал Игнат. — Твари пойдут через броды и через мост. Их будет больше, чем днём. Нас — сто сорок два. — Он помолчал. — У пролома вас учили стоять стеной. Как сильные. Каждый — сам за себя, каждый — в полную силу. Это не сработало. Вы видели.

Тишина.

— Сегодня ночью вы будете стоять по-другому, — сказал Игнат. — Звеньями. По пять. Не по номерам групп. По Дарам. Так, чтобы Дар одного закрывал слабость другого. — Он посмотрел на пятерых своих. — Как девятая.

Кто-то в толпе — из первой группы, судя по нашивке — криво усмехнулся.

— Как калеки, что ли?

Игнат посмотрел на него.

— Калеки два часа держали этот мост против пятнадцати рвачей и стаи шипокрылов, — сказал он. Спокойно. — Вшестером. Пока вы бежали по дороге. — Пауза. — Хочешь сегодня ночью стоять рядом с ними — встань и скажи свой Дар.

Курсант покраснел. Опустил голову.

А Оболенский-младший у парапета вдруг поднялся. Медленно, опираясь на меч. С разбитой головой, с повязкой на колене.

— Оболенский, — сказал он. Хрипло. — Клинок. Ранг А. Удлиняет лезвие вдвое. На пять секунд. Перезарядка — тридцать. — Он помолчал. И добавил, глядя Игнату в глаза: — Перед ударом — переношу вес на носок левой. Это видно. Мне говорили.

Игнат кивнул.

За Оболенским поднялся рыжий Шереметьев. Обожжённые руки — в бинтах.

— Шереметьев. Пламя. Ранг А. — Он сглотнул. — Руки обожжены. Могу один удар. Может, два. — Пауза. — Правую поднимаю раньше левой. Мне тоже говорили.

Потом — Аня Мельникова с пустым колчаном. Потом — ещё кто-то. И ещё.

Через десять минут на мосту стояли сто сорок два человека, и каждый по очереди называл свой Дар. Ранг. Время действия. Перезарядку. И то, что он делает неправильно.

Игнат собирал звенья так, как двадцать лет назад собирал отряды.

Не по силе. По связке.

Мечник с Клинком — и тот, кто может замедлить противника на секунду: девушка с Даром Вязкости, которая делала воздух вокруг себя густым, как мёд. Её в пятой группе считали бесполезной — «слишком медленно, слишком мало».

Пиромант — и тот, кто умеет сдерживать огонь, не давая ему перекинуться на своих: тихий второкурсник с Даром Холода ранга D, который мог остужать предметы на ощупь.

Лучник с пустым колчаном — и курсант с Даром Возврата: всё, что он бросал, возвращалось к нему по той же дуге. Стрелы, камни, ножи. Лучник стреляет — Возврат собирает.

Каждое звено — со своим участком. Каждому звену — один из девятой.

Лёха — на будку сторожа. Глаза всего отряда. Видеть, говорить, где кто.

Тимур — на середину моста. Связь. Его голос в рации, ровный и без запинок, — для всех звеньев.

Вера — к нижнему броду, со звеном Оболенского. Дина — к верхнему, со звеном Шереметьева. Федя — у въезда на мост. С пятью самыми тяжёлыми курсантами, которых Игнат нашёл в толпе. Стена.

— Лейтенант, — сказал Федя, когда Игнат расставил всех. Шёпотом. — А они меня слушаться будут? Я ж… Я ж первый курс. А там второкурсники.

Игнат посмотрел на него.

— Мохов. Сегодня ты держал вход на мост против рвачей. Два часа. С Тяжестью. — Он помолчал. — Они это видели. Все. Будут слушаться.

Федя молчал. Потом кивнул.

Пулемёт нашёл себе применение через полчаса.

Курсант второго курса, коренастый, конопатый, подошёл к Игнату, когда тот проверял позицию у будки. В руках у него была металлическая коробка.

— Господин лейтенант, — сказал он. — Это… Я у пролома подобрал. У мёртвого пулемётчика гарнизона. Думал — пригодится. — Он открыл коробку. Внутри — патронная лента. Двести пятьдесят патронов. — А у вас, я видел, пулемёт без патронов.

Игнат посмотрел на ленту. Потом — на пустой пулемёт у будки.

Потом — на курсанта.

— Фамилия?

— Сорокин. Седьмая группа второго курса. — Пауза. — Дар — Счёт. Ранг F. Считаю быстро. Любые числа. — Он покраснел. — Бесполезный.

Игнат долго смотрел на него.

— Сорокин, — сказал он. — Ты умеешь считать, сколько патронов осталось в ленте? Не глядя? Пока стреляешь?

Сорокин моргнул.

— Умею. Это… это просто.

— А сколько рвачей прошло мимо пулемёта, сколько упало, сколько ещё на подходе — если Горбунов тебе будет говорить?

Сорокин молчал. Потом — медленно — кивнул.

— Тогда ты — второй номер пулемётного расчёта, — сказал Игнат. — Будешь считать. Всё. Патроны, рвачей, секунды. И говорить первому номеру, когда стрелять, а когда беречь. — Он помолчал. — Двести пятьдесят патронов — это немного. Каждый должен попасть.

Стемнело в восемь.

В девять на дальнем берегу зажглись глаза. Сотни. Оранжевые, красные, жёлтые. У бродов. На дороге. В кустах у берега.

Сто сорок два человека на Каменном мосту ждали.

А в половине десятого со стороны Острога, через мост, к будке сторожа подъехал автомобиль. Чёрный. С гербом «Бастиона».

Из него вышел Зорин. Чистый, выбритый, с белой повязкой координатора. Посмотрел на мост. На звенья, расставленные вдоль парапетов. На пулемёт у будки. На Игната.

На его лице на мгновение мелькнуло что-то. Удивление. Потом — досада.

— Ветров, — сказал он. — Приказ майора Гордеева.

Он протянул лист бумаги.

«Старшему лейтенанту Ветрову. Немедленно провести разведку пролома в секторе 4-Б. Установить численность тварей и направление движения главных сил. Доложить лично. Командование мостом передать капитану Зорину. Гордеев».

Игнат прочитал. Посмотрел на подпись. Похожа. Почти.

Гордеев держал карандаш над картой — Игнат видел это утром. Он был левшой. А подпись на приказе была сделана с наклоном вправо.

— Разведку, — сказал Игнат. — Одному.

— Одному, — подтвердил Зорин. — Ты же лучше всех знаешь, как ходить тихо. — Он чуть улыбнулся. — Мост я подержу. Не волнуйся.

Глава 4. Ловушка Зорина

Игнат мог отказаться.

Он думал об этом, стоя у будки сторожа с поддельным приказом в руке. Мог сказать: подпись не Гордеева. Мог потребовать связаться со штабом. Мог просто не пойти.

И тогда Зорин отдал бы приказ сам. Как координатор учебных подразделений, переданных «Бастиону». Арестовать инструктора девятой группы за неподчинение. Двое охранников в машине у моста — Игнат видел их тёмные силуэты за стеклом — ждали именно этого.

А сто сорок два курсанта смотрели бы, как их командира уводят под конвоем. За полчаса до того, как через броды пойдёт волна.

Лучше уйти самому.

— Хорошо, капитан, — сказал Игнат. — Разведка так разведка.

Зорин чуть заметно выдохнул.

Прежде чем уйти, Игнат поднялся на будку к Лёхе. На минуту. Присел рядом.

— Подпись поддельная, — сказал он тихо. — Гордеев — левша. А это писал правша.

Лёха побелел.

— Тогда зачем ты…

— Затем, что иначе меня арестуют прямо здесь. На глазах у всех. И ночью некому будет командовать. — Игнат помолчал. — А так — я уйду, а командовать будешь ты.

— Я?!

— Ты, Абаев, Стрельцова, Ковач и Мохов. Пятеро. Как на полигоне. — Игнат посмотрел ему в глаза. — Зорин будет отдавать приказы. Слушайте. Кивайте. И делайте то, что делали бы со мной. Звенья знают вас. Они видели, как вы держали мост. Они пойдут за вами, а не за ним.

Лёха молчал. Губы у него дрожали.

— Горбунов, — сказал Игнат. — Помнишь новое правило?

Лёха сглотнул.

— Если тебя нет рядом, — сказал он хрипло, — мы не бежим. Не прячемся. Не ждём приказа. Смотрим. И решаем сами.

— Вот, — сказал Игнат. И спрыгнул с будки.

Он ушёл по дороге на юг. В темноту. С «Лисой» на поясе и ножом за голенищем.

За спиной, на мосту, сто сорок два человека смотрели ему вслед.

Застенье ночью было похоже на город мёртвых.

Пустые бараки с выбитыми дверями. Брошенные тележки посреди улиц. Детский башмак у колодца. Где-то горело — в трёх, четырёх местах, — и отблески огня плясали на стенах. Где-то выли. Не люди.

Игнат шёл тихо. Как ходил двадцать лет назад. Вдоль стен, в тени, замирая у каждого угла. Его Дар — после Агнии Фёдоровны длиной в ладонь — был готов. Тросомёт — в руке.

Он не смотрел вперёд. Он слушал назад.

Через версту он услышал.

Шаги. Трое. Тяжёлые, в армейских ботинках. Шли следом, на расстоянии сотни шагов. Осторожно — но не так осторожно, как ходят те, кто двадцать лет провёл за Стеной.

Зорин. И двое из машины.

Игнат не ускорил шаг. Не обернулся.

Он шёл к пролому. Туда, куда его послали. По главной улице Застенья — прямой, широкой, ведущей прямо к дыре в Стене.

А на перекрёстке у старой кузни свернул направо. В переулок.

Переулок был узким — двое разойдутся с трудом. Глухие стены складов с двух сторон. В конце — тупик. Кирпичная стена кузни, высокая, без окон.

Игнат дошёл до тупика. Посмотрел на стену. Выстрелил из «Лисы» — якорь ушёл вверх, зацепился за край крыши. Подтянулся. Три шага по стене — и он на крыше кузни. Лёг плашмя. Смотрел вниз.

Через минуту в переулок вошли трое.

Зорин — впереди. С пистолетом в руке. Над ладонью — марево огня: его Дар, ранг А, готовый к удару. За ним — двое охранников «Бастиона». Высокие, в тёмных куртках. У одного — короткий автомат. У второго — ничего в руках. Но вокруг его кистей воздух дрожал так, как дрожит над раскалённым асфальтом.

Дар ранга S. Тот самый, которого Игнат почувствовал в охране комиссии на плацу.

Они дошли до тупика. Остановились. Огляделись.

— Где он? — шёпотом спросил Зорин. — Он же сюда свернул. Я видел.

Охранник с автоматом поднял голову. Посмотрел на крышу.

Игнат не стал ждать.

Его «Лиса» выстрелила второй раз. Не в людей — в старую кузнечную вывеску над входом в кузню. Огромную, кованую, в виде подковы, висевшую на двух ржавых цепях над самым тупиком. Двадцать лет назад такие вывески были в каждом рабочем квартале.

Якорь обвился вокруг цепи. Игнат дёрнул.

Цепь лопнула. Подкова — пуд кованого железа — рухнула вниз. На охранника с автоматом.

Он успел отскочить. Почти. Подкова ударила его по плечу, и автомат отлетел к стене.

Второй охранник — с Даром ранга S — поднял руки к крыше.

Воздух вокруг его кистей вспыхнул. Не огнём — светом. Белым, режущим. Луч ударил в край крыши, где лежал Игнат, и кирпич под ним — расплавился. Потёк, как воск.

Игнат скатился по скату крыши на другую сторону. Упал на землю — в соседний двор. Перекатился.

Над головой, в том месте, где он только что был, крыша кузни вспыхнула. Луч прошёл насквозь.

Дар ранга S. Плавит кирпич. С двадцати шагов.

Игнат лежал во дворе за кузней и думал.

В прямом бою — он мёртв. Его Дар — лезвие длиной в ладонь. Дар охранника — луч, плавящий камень. Зорин — огонь ранга А. Охранник с автоматом — уже поднял оружие.

Трое против одного. В переулке, который он сам выбрал.

Но было одно, о чём эти трое не подумали.

Они шли за ним по Застенью ночью. В разгар прорыва. Под звуки выстрелов и вспышки огня. А Застенье ночью было не пустым.

Игнат услышал их раньше, чем увидел. Тяжёлое дыхание. Цокот когтей по мостовой. Низкое, вибрирующее рычание.

Рвачи. Пятеро. Стая, которая шла по главной улице Застенья к Каменному мосту — и вдруг остановилась у перекрёстка. Повернула головы.

Вспышка луча на крыше кузни была видна за версту. Грохот упавшей вывески — тоже.

Твари Красной зоны идут на свет и на шум.

Игнат лёг за поленницу во дворе кузни. Затаил дыхание. Не шевелился.

А в тупике переулка, освещённые горящей крышей, стояли трое. Шумные. Яркие. Пахнущие порохом и магией.

Рвачи вошли в переулок.

Игнат не смотрел. Слушал.

Крики. Автоматная очередь — короткая, в упор. Шипение луча. Рёв огня Зорина. Визг твари. Ещё очередь. Снова луч.

Потом — тишина.

Потом — чьё-то тяжёлое, хриплое дыхание. Человеческое.

Игнат поднялся. Перелез через забор. Вошёл в переулок.

Три рвача лежали мёртвыми у стены — двое прожжённых насквозь, один застреленный. Двое оставшихся ушли — Игнат видел следы когтей на мостовой, ведущие прочь, в темноту.

Охранник с автоматом лежал лицом вниз. Не дышал.

Охранник с Даром ранга S — у стены. Без руки. Без сознания. Игнат проверил пульс — слабый, но был.

Зорин сидел в тупике, прислонившись к стене кузни. Его форма — белая повязка координатора на рукаве — была разорвана. Под ней — кровь. Много крови. Живот.

Он смотрел на Игната. Глаза — мутные, но в сознании.

— Ветров, — сказал он. Хрипло. С трудом. — Ты… Ты специально. В переулок. Чтобы мы… шумели.

— Вы сами шумели, капитан, — сказал Игнат. Опустился рядом на колени. Посмотрел на рану. Рвач распорол живот когтем. Глубоко. Игнат видел такие раны двадцать лет назад. Знал, чем они кончаются. Даже если бы рядом был целитель. А целителя рядом не было.

Зорин тоже знал. Игнат видел это в его глазах.

— Колесов, — сказал Зорин. — Ты же… знаешь. Колесов приказал.

— Знаю.

— Он сказал… — Зорин закашлялся. Кровь на губах. — Сказал — Ветров слишком много знает. Про журнал. Про ворота. Сказал — в прорыве никто не будет считать мёртвых.

Игнат молчал. Держал его за плечо.

— Я не хотел, — прошептал Зорин. — Ветров. Я… Я просто хотел быть старшим инструктором. Мирошников обещал… Мне двадцать лет было, когда я в «Бастион» пришёл. Они платили. Хорошо платили. — Он сглотнул. — А потом просили. Сначала — маленькое. Потом — больше. Потом — маячок.

— Кристалл призыва в маячке, — сказал Игнат. — Кто дал?

— Лапин. — Зорин закрыл глаза. — Лапин дал. Сказал — вставить и выдать девятой. Я не знал… Я не знал, что кристалл позовёт столько. Я думал — пару рвачей. Чтобы напугать.

— Двадцать рвачей и альфу.

— Я не знал. — Голос Зорина стал совсем тихим. — Ветров. Прорыв. Ты думаешь… это твари проломили Стену?

Игнат замер.

— А кто?

Зорин открыл глаза. Посмотрел на него. Долго.

— Пролом — изнутри, — прошептал он. — Ты видел? Бетон — наружу вывернут. — Он закашлялся снова. — Под Стеной — тоннель. «Бастион» копал. Из Ниневийских копей. Новую жилу искали. Под четвёртым участком. — Пауза. — Три месяца копали. Под самой Стеной. Рунные барьеры… Рунные барьеры под землёй не стоят. Никогда не стояли. Зачем — твари ж сверху ходят.

Игнат смотрел на него.

— Неделю назад, — шептал Зорин, — тоннель прошёл под фундаментом. Насквозь. В Красную зону. — Он сглотнул. — А тут — маячок. Кристалл призыва. Пять с половиной часов. В секторе Б. Прямо над тоннелем.

Он не договорил.

Но Игнат понял.

Кристалл призыва звал тварей из Красной зоны. Пять с половиной часов. А тварям было по чему прийти — по тоннелю, прорытому «Бастионом» под Стеной. Без рунных барьеров. Прямо в сектор Б.

Твари шли по тоннелю неделю. Скапливались под Стеной. А потом — проломили фундамент изнутри.

Маячок был не для того, чтобы убить девятую группу. Не только.

— Колесов знал? — спросил Игнат. — Про тоннель? Когда давал Лапину кристалл?

Зорин не ответил.

Игнат посмотрел на него. Глаза капитана были открыты. Неподвижны. Смотрели на горящую крышу кузни.

Игнат медленно опустил руку с его плеча. Закрыл ему глаза.

Охранника с Даром ранга S он перевязал. Жгутом, выше раны. Оттащил в подвал кузни, заложил дверь досками. Если доживёт до утра — найдут.

Потом вышел на перекрёсток.

На север, к Каменному мосту, вела главная улица. Две версты. По ней шли твари — Игнат видел силуэты в отблесках пожаров. Десятки. Все — на север. К мосту.

Между ним и мостом.

На юг — пролом. Полверсты. Дыра в Стене, из которой продолжали выходить твари. И под ней — тоннель «Бастиона». Из Ниневийских копей.

Доказательство.

Если он вернётся к мосту — через две версты тварей, — он, может быть, доберётся. К утру. Если повезёт.

Если пойдёт к пролому — он увидит тоннель. Своими глазами. И, может быть, найдёт то, что можно положить на стол Совету Стены.

На мосту — сто сорок два человека. И пятеро, которых он учил три недели.

Игнат долго стоял на перекрёстке.

Потом нажал кнопку рации. Канал девятой группы.

— Абаев, — сказал он. — Слышишь?

Шипение. Треск. Потом — голос Тимура. Ровный. Без единой запинки.

— Слышу, лейтенант.

— Зорин мёртв. Рвачи. — Игнат помолчал. — Я отрезан. Между мной и мостом — твари. Много. — Ещё пауза. — Я иду к пролому. Там тоннель. Мне нужно его увидеть.

Долгое молчание в рации.

— Понял, — сказал наконец Тимур. — Мы держим мост.

— Держите, — сказал Игнат. — Без меня.

Он выключил рацию.

И пошёл на юг. К пролому. Туда, откуда шли твари.

Глава 5. Без командира

Лёха Горбунов никогда в жизни никем не командовал.

В детдоме номер семь он дрался один. В восьмой группе — тоже один. В девятой три недели слушал лейтенанта и говорил в рацию, где кто стоит. Это было просто. Видишь — говоришь. Остальное решает Ветров.

Теперь Ветрова не было.

Лёха стоял на крыше будки сторожа у въезда на Каменный мост и смотрел на дальний берег. В темноте горели глаза. Сотни. Его Дар видел их как россыпь оранжевых углей — у бродов, на дороге, в кустах вдоль берега. Видел, как они шевелятся. Как собираются в кучи. Как ждут.

А за его спиной сто сорок один человек ждал, что он скажет.

— Горбунов, — сказал в наушнике голос Тимура. Ровный, спокойный. — Ветров ушёл к пролому. Зорин мёртв. Машина «Бастиона» уехала — водитель развернулся, как только услышал выстрелы в Застенье. — Пауза. — Командуешь ты.

Лёха сглотнул.

— Почему я? — сказал он. — Почему не Стрельцова? Она генеральская. Её учили.

— Потому что ты видишь, — сказал Тимур. — А мы — нет. — Ещё пауза. — Ветров сказал: смотрим и решаем сами. Ты смотришь лучше всех.

Лёха долго молчал.

Потом нажал кнопку общего канала. Того, по которому его слышали все звенья.

— Говорит Горбунов, — сказал он. Голос дрожал. Он заставил его не дрожать. — Девятая группа. Лейтенант Ветров на разведке. До его возвращения командую я. — Пауза. — Кто против — говорите сейчас.

Тишина в эфире.

Потом — голос Оболенского. Хриплый, усталый.

— Звено Оболенского у нижнего брода. Ждём указаний, Горбунов.

Потом — Шереметьева. — Звено Шереметьева у верхнего. Ждём.

Потом — ещё. И ещё. И ещё. Двадцать восемь звеньев. Один за другим.

Лёха стоял на крыше будки и слушал, как сто сорок один человек — первый курс, второй курс, внук маршала, капитан выпускников с перебитой рукой — один за другим говорят: ждём указаний, Горбунов.

Он закрыл глаза. На секунду.

Потом открыл. И посмотрел на дальний берег.

Они пошли в одиннадцать.

Все сразу. Через оба брода и через мост. Лёха видел, как оранжевые пятна на дальнем берегу вдруг сорвались с места — как стая птиц, когда хлопнешь в ладоши.

— Верхний брод — сорок, — говорил он в рацию. Быстро, коротко, как учил Ветров. — Рвачи и крысоволки. Нижний — тридцать. На мост — двадцать. И сзади — что-то большое. Три штуки. Медленные. Тяжёлые. Не знаю, что это.

— Жуки, — сказал в наушнике голос Грановского. Тихо. — Таранные жуки. Они у пролома Стену доломали. Броня — как у танка.

Лёха смотрел на три огромных оранжевых пятна, медленно ползущих по дороге к мосту. Каждое — размером с телегу.

— Понял, — сказал он. — Сначала — мелкие.

У верхнего брода звено Шереметьева дождалось, пока рвачи войдут в воду. Потом второкурсник с Даром Холода положил ладони на воду у берега. Его Дар — ранг D, «бесполезный», остужать предметы на ощупь. Вода у берега покрылась тонкой ледяной коркой. Рвачи, выбиравшиеся на берег, поскальзывались на льду. Шереметьев — с обожжёнными руками, на последнем запасе сил — бил огнём по тем, кто упал. Дина рядом — отражателем в пасти.

Лёд и огонь. Холодный и горячий. Ветров собрал их в одно звено ещё вечером — Лёха не понимал зачем. Теперь понимал.

У нижнего брода звено Оболенского ждало в темноте. Девушка с Даром Вязкости сделала воздух над бродом густым, как мёд. Рвачи, бросившиеся в воду, увязли в нём, замедлились. На секунду. Оболенский ударил Клинком — удлинённым вдвое, на пять секунд. Вера рядом с ним — ладонь на камне. Скользко.

На мосту — Федя. С пятью тяжёлыми курсантами. Стена у въезда. Рвачи врезались в неё и отлетали.

И пулемёт.

Аня Мельникова, арбалетчица из первого боя на арене, лежала за пулемётом у будки. Первый номер. Её Дар — снайперский, ранг B, точность выстрела — работал и с пулемётом. Рядом с ней — Сорокин. Второй номер. С лентой в руках.

— Двести сорок один, — шептал Сорокин. — Двести тридцать восемь. Рвач слева — три выстрела, упал. Двести тридцать пять. Не трать на крысоволков, их Мохов держит. Двести тридцать два. Рвач на парапете — один выстрел. Двести тридцать один.

Аня стреляла. Короткими очередями. По одному-два-три патрона. Каждый раз — туда, куда говорил Лёха. Каждый раз — попадала.

Двести пятьдесят патронов. Сорокин считал каждый.

Жуки вышли к мосту в половине первого.

Три. Огромные, медленные, в чёрной хитиновой броне, отливающей металлом. Каждый — длиной с телегу, высотой по грудь человеку. Шесть толстых лап. Голова — плоская, как таран, с двумя короткими рогами.

Первый жук вошёл на мост.

Аня дала очередь. Пули отскочили от брони, как горох от стены.

Оболенский, примчавшийся от нижнего брода, ударил Клинком. Удлинённое лезвие царапнуло хитин — и соскользнуло.

Федя встал перед ним. С Тяжестью. Жук ударил его тараном — и Федя, триста шестьдесят килограммов, отъехал на два шага. Подошвы скрежетнули по камню. Устоял. Но жук не остановился. Пошёл дальше. Медленно. Неотвратимо. А за ним — второй. И третий.

Если они пройдут мост — дальше Острог. Эвакуация ещё не закончена.

— Взрывать, — сказал в наушнике кто-то. Голос второкурсника. Испуганный. — Горбунов, взрывай мост! Тротил под средним пролётом! Пока они на нём!

Лёха смотрел на мост. На трёх жуков, ползущих по нему. На Федю, который отступал шаг за шагом, упираясь в таран первого. На звенья у парапетов.

Если взорвать — жуки упадут в реку. И Федя с ними. И все, кто на мосту.

— Нет, — сказал он.

— Горбунов!

— Нет! — Лёха сам не узнал свой голос. — Нельзя! Там Мохов!

Он смотрел на мост. Думал.

Ветров бы знал. Ветров бы посмотрел — и увидел. Что? Что видел бы Ветров?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.